

Сталинские премии архитектора И.В. Жолтовского (1940—1953)

Ольга Шурыгина

Stalin prizes of the architect Ivan Zholtovsky (1940—1953)

Olga Shurygina (Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870008280-9

8 марта 1950 г. состоялось обнародование списка лауреатов Сталинской премии «за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1949 г.», среди которых фигурировал известный архитектор Иван Владиславович Жолтовский (1867—1959)¹. Его биография и творческое наследие, на первый взгляд, хорошо известны. Первые публикации начали появляться уже при его жизни². Так, в 1955 г. вышла книга³, которая до сих пор является наиболее основательным трудом, посвящённым Жолтовскому. В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к биографии зодчего, связанный в том числе с его 150-летним юбилеем, о чём свидетельствует появление диссертации⁴, монографий⁵ и биографических статей⁶.

Парадокс, однако, заключается в том, что в большинстве случаев (даже при критическом взгляде) тексты придерживаются официального жизнеописания, за пределами которого остаются многие важные детали и вопросы. Факт присуждения Жолтовскому высшей государственной награды неизменно отмечался биографами, но его обстоятельства до сих пор не раскрыты. Искусствовед

© 2020 г. О.С. Шурыгина

¹ Постановление Совета министров СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1949 год» от 7 марта 1950 № 1014 // Правда. 1950. 8 марта. С. 1—2.

² Аркин Д. Разговоры о Жолтовском // Архитектура СССР. 1940. № 5. С. 54—58; Былинкин Н. О теории композиции И.В. Жолтовского // Там же. С. 51—53; Зальцман А. Творчество И.В. Жолтовского // Там же. С. 35—50; Власов А.В. Зодчий—учёный—педагог: к восьмидесятипятилетию академика архитектуры И.В. Жолтовского // Советская архитектура. 1953. № 4. С. 46—69.

³ Жолтовский И.В. Проекты и постройки / Сост. Г.Д. Ощепков. М., 1955.

⁴ Фирсова А.В. Творческое наследие И.В. Жолтовского в отечественной архитектуре XX века. Дис. ... канд. искусств. М., 2004.

⁵ Хан-Магомедов С.О. Иван Жолтовский. М., 2010; Хмельницкий Д.С. Иван Жолтовский: архитектор советского палладианства / При участии А.В. Фирсовой. Берлин, 2015; Переписка Елены Багиной и Дмитрия Хмельницкого // Сиротство авангарда / Е. Багина, А. Раппопорт, Д. Хмельницкий. Екатеринбург, 2016. С. 479—559; Печёнкин И.Е., Шурыгина О.С. Архитектор Иван Жолтовский. Эпизоды из ненаписанной биографии. М., 2017.

⁶ Шурыгина О.С. Новые данные о И.В. Жолтовском (к 150-летию со дня рождения архитектора) // Архитектурное наследство. Вып. 67. СПб., 2017. С. 170—186; Швидковский Д.О. Иван Владиславович Жолтовский. К 150-летию со дня рождения // Academia. Архитектура и строительство. 2017. № 4. С. 5—9; Нащокина М.В. Жизнь и судьба Ивана Жолтовского // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 1. С. 116—121; Печёнкин И., Шурыгина О. Палладио по-русски. Новые данные о переводе «Четырёх книг об архитектуре» в начале XX века // Искусствознание. 2018. № 3. С. 238—263; Шурыгина О.С. Дом Советов в Махачкале (1925—1932): к истории постройки // Архитектурное наследство. Вып. 70. СПб., 2019. С. 246—259; и др.

А.В. Фирсова лишь констатировала факт награждения⁷. Историк архитектуры С.О. Хан-Магомедов, затронувший этот эпизод, оценил его высоко: «Впервые в XX веке Сталинская премия была присуждена за архитектурное произведение, за которым не стояли никакие политические предпосылки властей или чьи-либо карьеристские устремления»⁸. Его коллега Д.С. Хмельницкий, напротив, охарактеризовал вручение премии архитектору как политическую акцию⁹. Однако на награждении он остановился лишь немногим подробнее, упомянув отмеченных одновременно с Жолтовским коллег-метростроевцев.

Авторы указанных работ опирались преимущественно на данные открытых источников (современную событиям периодическую печать и проч.). Хан-Магомедов откровенно уведомил читателя, что будет «не раз цитировать текст Ощепкова из книги-альбома, рассматривая его как важный источник сведений»¹⁰. Архивные документы задействовались значительно реже, причём номенклатура архивохранилищ неизменно ограничивалась фондом Жолтовского в РГАЛИ и фондами Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева.

Несмотря на то что история присуждения Сталинских премий неоднократно становилась темой исторических и историко-искусствоведческих исследований, награды в области архитектуры специально не изучались (в отличие от литературной, художественной или кинематографической сфер¹¹). В целом, работы о премии в большинстве случаев носят обзорный характер¹². Не в последнюю очередь это объясняется тем, что «большая часть фондов Комитета по Сталинским премиям (персональные дела и другие документы личного характера) закрыты»¹³.

Исследование о Сталинской премии в области архитектуры предпринимается впервые. Располагая необходимой источниковедческой базой, не попавшей в поле зрения историков архитектуры и биографов зодчего, я постараюсь разобраться в том, чем же в действительности являлось присуждение Жолтовскому этой высокой награды: беспристрастной оценкой творческих заслуг мастера или актом политической борьбы?

⁷ Фирсова А.В. Творческое наследие И.В. Жолтовского в отечественной архитектуре XX века. Т. I. С. 74.

⁸ Хан-Магомедов С.О. Иван Жолтовский. С. 217.

⁹ Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007. С. 270—271.

¹⁰ Хан-Магомедов С.О. Иван Жолтовский. С. 27.

¹¹ См., например: Янковская Г.А. К истории Сталинских премий в области литературы и искусства // Вестник Пермского университета. 2001. Вып. 1. С. 152—159; Ивкин В.И. Как отменяли Сталинские премии. Документы ЦК КПСС и Совета министров СССР. 1953—1967 // Исторический архив. 2013. № 6. С. 3—49; Бит-Юнан Ю., Фельдман Д. Сталинские премии Василия Гроссмана: история с биографией // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 186—223; Тихонов В.В. Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 2. С. 177—185; Венявкин И. Краткий путеводитель по Сталинской премии. Главная литературная награда СССР: рекорсмены, скандалы и курьёзы (URL: <http://arzamas.academy/materials/978>); и др.

¹² Сталинские премии: две стороны одной медали. Сборник документов и художественно-публицистических материалов / Сост. В.Ф. Свинын, К.А. Осеев. Новосибирск, 2007; Ахманаев П.В. Сталинские премии. М., 2016.

¹³ Янковская Г.А. «Шинель дана очень обще и немного бревном таким». К вопросу о мотивационном аспекте деятельности Комитета по присуждению Сталинских премий в области литературы и искусства // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2001. № 7. С. 315.

Сталинская премия была учреждена постановлением СНК СССР в декабре 1939 г. в ознаменование 60-летия И.В. Сталина. Ежегодно деятелям науки и искусства вручались 16 премий в знак признания высокого научного, культурного, инженерно- или организационно-технического вклада лауреата. Премия присуждалась правительством, а кандидатуры лауреатов выдвигали специально созданные при нём Комитет по Сталинским премиям в области науки, военных знаний и изобретательства и Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Они должны были принимать работы выдвинутых на соискание премии кандидатов до 15 октября и не позднее 1 декабря подавать свои предложения в СНК.

Премия присуждалась не по совокупности заслуг, а за конкретные достижения. Отмечалось, что принимались лишь новые работы, законченные в год присуждения награды. Поскольку она задумывалась именно как материальный стимул, то отмечались в основном люди молодые или среднего возраста. Количество премий и их размеры неоднократно менялись. Суммы формировались из гонораров Сталина за издания его трудов, в том числе за рубежом. В каждой номинации вручались три премии 1-й степени (по 100 тыс. руб. каждая) и пять — 2-й степени (по 50 тыс. руб.). Постановления СНК (а затем Совета министров) СССР о присуждении премий в 1941—1952 гг. обнародовались в периодической печати. В марте 1953 г. в связи со смертью «вождя» официальный источник формирования премиального фонда был упразднён, и после 1954 г. премии не присуждались¹⁴.

В 1950 г. в номинации «Архитектура» 1-ю степень присудили творческому и супружескому дуэту — Г.А. Захарову и З.С. Чернышёвой — за архитектурное оформление станции «Курская-кольцевая» Московского метрополитена. 2-ю степень разделили Л.М. Поляков — за решение станции «Калужская» (ныне «Октябрьская» Кольцевой линии) — и И.В. Жолтовский — «за архитектуру жилого дома № 11 по Калужской улице в Москве». 3-ю степень получили А.Я. Миминошвили за жилой дом № 3 по ул. Марти в Тбилиси, В.С. Андреева за административное здание № 11 по ул. Горького в Москве, творческий коллектив З.М. Розенфельда и А.Д. Суриса за жилой дом № 4-10 по Садовой-Триумфальной ул. в Москве и Е.В. Рыбицкий за жилой дом № 46-48 на ул. Чкалова в Москве¹⁵ (к слову, последний был лишён звания лауреата в 1955 г.¹⁶).

Как показали архивные материалы, этому награждению предшествовала не лишённая драматизма история, в ходе которой возникали и отклонялись кандидатуры, членами Комитета по Сталинским премиям высказывались подчас весьма резкие суждения и вообще обнаружилась работа специфического механизма отбора и продвижения номинантов на высшую государственную награду. Для работы мною привлечены документы фондов СНК СССР в ГА РФ (ф. Р-5446), Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства и его секции по изобразительному искусству и архитектуре в РГАЛИ (ф. 2073). В последнем содержатся стенограммы и протоколы пленумов Комитета и заседаний секций, документы по итогам голосования, списки и личные

¹⁴ Подробнее см., например: Сталинские премии: две стороны одной медали...

¹⁵ Постановление Совета министров СССР... С. 2.

¹⁶ Постановление Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» от 4 ноября 1955 г. № 1871 // Правда. 1955. 10 ноября. С. 1.

дела кандидатов на получение премий, письма выдвигающих организаций, аннотации и рецензии на произведения искусства и литературы, выдвинутые на соискание премии. Практически все запрошенные из архивохранилищ документы имели пустые листы использования. Это позволяет предположить, что никто из коллег их ранее не просматривал.

В ГА РФ мною было изучено дело «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1949 год»¹⁷, в котором содержатся сведения относительно появления в списке лауреатов этого года кандидатуры Жолтовского. Оно начинается с протокола заключительного пленарного заседания соответствующего Комитета от 19 января 1950 г. В номинации «архитектура» места распределились следующим образом: 1-я степень — «тандем» Захарова и Чернышёвой и творческий коллектив во главе с архитектором Я.Б. Белопольским «за архитектуру памятника воинам Советской армии, павших в боях с фашистами в г. Берлине»; 2-я степень — Л.М. Поляков¹⁸. Председатель Комитета А.А. Фадеев писал Сталину, что «не получившие при голосовании большинства голосов или не включённые по тем или иным причинам в списки на голосование, но заслужившие при их обсуждении внимание Комитета» составили Дополнительный список¹⁹. В него вошли уже упомянутые Андреев и Миминошвили²⁰. Фамилия Жолтовского не фигурирует ни в одном из них.

11 февраля того же года постановлением Совета министров СССР № 564 были учреждены Сталинские премии 3-й степени (25 тыс. руб.), в связи с чем 15—16 февраля прошли шесть секционных и два пленарных заседания специальной сессии Комитета²¹. В интересующей нас номинации места распределились следующим образом: Миминошвили (28 голосов), Андреев (27 голосов), Розенфельд и Сурис (24 голоса), Рыбицкий (17 голосов) и замыкал пятёрку Жолтовский (17 голосов)²². Протокол заседания был направлен Сталину, а 18 февраля — Л.М. Кагановичу²³. На экземпляре последнего напротив фамилии Жолтовского сделана отметка чёрной ручкой — «крестик»²⁴. 22 февраля сводный список лауреатов всех трёх степеней ушёл в канцелярии Сталина и Кагановича²⁵; в нём фамилия архитектора также отмечена, в то время как около фамилий других кандидатов отметок нет²⁶.

Оставалось невыясненным, какие именно события, имевшие место между 22 февраля и 7 марта (дата подписания и публикации окончательного решения Комитета), привели к присуждению Жолтовскому премии 2-й степени. Документы такой информации не содержат. Для того чтобы восполнить этот пробел я обратилась к материалам фонда Комитета в области литературы и искусства, которые помогли реконструировать хронологию событий с осени 1949 г.

¹⁷ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 80, д. 2610.

¹⁸ Там же, л. 122.

¹⁹ Там же, л. 128.

²⁰ Там же, л. 80.

²¹ Там же, л. 74.

²² Там же, л. 65. Фотографии дома, представленного к премии, также хранятся в ГА РФ отдельной папкой (Там же, д. 2618).

²³ Там же, л. 76.

²⁴ Там же, л. 72.

²⁵ Там же, л. 57.

²⁶ Там же, л. 49.

Из протокола общего собрания творческого коллектива Архитектурной мастерской-школы академика архитектуры И.В. Жолтовского от 30 ноября 1949 г. (председатель Б.Н. Лазарев, секретарь П.И. Скокан, на собрании присутствовали 30 человек) выяснились предпосылки чехарды перемещений зодчего в списке номинантов. Секретарь парторганизации мастерской Г.В. Севан сообщил собравшимся, что «Правление Московского отделения Союза Советских архитекторов (МОССА. — *О.Ш.*) под давлением Всесоюзного Правления Союза Советских архитекторов 29 ноября с.г. отменило вынесенное ранее своё решение о выдвижении на соискание Сталинской премии жилого дома Хозяйственного управления Совета Министров СССР, выстроенного в г. Москве по Б. Калужской ул., 11 по проекту академика архитектуры И.В. Жолтовского»²⁷. Это известие, если доверять протоколу, вызвало бурную реакцию собрания. В прениях приняли участие председатель секции МОССА В.Л. Воскресенский, заместитель начальника мастерской-школы Г.В. Тарасевич, Н.П. Сукоян, Г.Г. Лебедев, В.В. Куйбышев, Г.Б. Минервин. В результате собрание единогласно приняло решение о выдвижении кандидатуры своего руководителя на соискание высокой награды. 1 декабря в Комитет по Сталинским премиям было направлено соответствующее письмо за подписью Тарасевича, Севана, Воскресенского и председателя месткома П.А. Батракова²⁸. Жолтовского также выдвинули члены Комитета: президент Академии художеств (АХ) СССР А.М. Герасимов, академики И.Э. Грабарь и В.И. Мухина, искусствовед В.С. Кеменов и скульптор Ю.И. Микенас²⁹.

28 декабря 1949 г. состоялся пленум Комитета по премиям, посвящённый обсуждению кандидатур в области архитектуры³⁰. Заведующий секцией ИЗО и архитектуры Грабарь сообщил собравшимся, что со 2 по 28 декабря его секцией «было проведено 8 заседаний, произведены выезды для осмотра представленных на соискание Премии работ. Секция обсудила их. Выработаны рекомендации»³¹. Работы были направлены на экспертизу в АХ СССР, а также на отзывы в органы государственного руководства архитектурой: Министерство городского строительства, Управление по делам архитектуры при Совете министров, а по московским объектам — в Управление по делам архитектуры Мосгорисполкома. Их отзывы и результаты экспертизы были учтены секцией при определении рекомендаций.

В числе рекомендованных к присуждению премии 2-й степени значился и проект Жолтовского. Включение этого номинанта в список сопровождалось примечательным комментарием возглавлявшего Комитет Фадеева, который заметил, что он «не был выдвинут совсем, но там есть поддержка очень большая»³². Высказался и Грабарь, сообщивший, что «нет единогласного решения по дому Жолтовского, который мы видели на Калужской улице», и что «большинство членов Секции стоит против»³³. Далее в протоколе зафиксирован любопытный обмен репликами:

²⁷ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 7, д. 34, л. 18.

²⁸ Там же, л. 17.

²⁹ Там же, оп. 1, д. 39, л. 62.

³⁰ Там же, д. 35, л. 179—193.

³¹ Там же, л. 186.

³² Там же, л. 187.

³³ Там же, л. 189.

«*Фадеев А.А.*: Надо немножко ужать кандидатуры на Вторую премию. Их слишком много... Есть желающие выдвинуть жилой дом Жолтовского?.. Насчёт дома Жолтовского кто-нибудь настаивает?

Голоса: Нет, не настаиваем.

Фадеев А.А.: Из отклонённых секцией кандидатур никто не поддерживает какую-нибудь кандидатуру?

Хренников Т.Н.: Приятное впечатление производит дом Жолтовского.

Фадеев А.А.: Нет, он не производит впечатления.

Гольденвейзер А.В.: Очень приятное впечатление внутри, а внешний вид — казарма»³⁴.

На последующих заседаниях (11, 16 и 19 января 1950 г.), протоколы которых отложились в архивных делах, фамилия Жолтовского не звучала³⁵. 15 февраля на повестке дня пленума Комитета стояло обсуждение кандидатур на премию 3-й степени в связи с соответствующим решением правительства. И вот теперь большая часть времени оказалась посвящена обмену мнениями о кандидатуре архитектора³⁶. Большинство присутствующих сохраняло по отношению к нему негативный настрой, притом, что Фадеев дал понять собравшимся: этот номинант находится на особом счету у высшего руководства. «Перед тем, как обсудить кандидатуры по архитектуре, я хочу информировать, что в Правительстве сейчас очень интересуются вопросами жилищного строительства. Меня вызывали и интересовались жилым домом Жолтовского, интересовались тем, какие там достоинства и какие недостатки. Нас просят, чтобы мы подумали по этим вопросам и, может быть, что-нибудь подсказали, чтобы была возможность поощрить эти вещи. Мы не идём к тому, чтобы, даже если плохо, и то премировать, потому что это жилой дом, но вы посмотрите ещё и ещё раз, *нет ли здесь достижений, которые мы должны поощрить* (выделено мной. — *О.Ш.*), так как мы заинтересованы в развитии этого строительства». И далее: «Нужно вернуться и поговорить ещё раз о доме Жолтовского. Внешне он нам не понравился (казарменный вид, балконов нет, поставлен как-то не там, не совпадает с этой магистралью), как он устроен внутри? Говорили, что там непрветриваемые длинные коридоры, что неудачно поставлена кухня и проч. А может быть, ещё раз подумаем? Когда меня вызывали, мне говорили, у нас так бывает, что довлеет, если человека в прошлом критиковали. От этих вещей нужно отвлекаться. Нужно реально смотреть — хорошо в этом доме жить или нехорошо»³⁷.

Из протоколов видно, что наиболее благожелательно к кандидатуре Жолтовского отнеслись композиторы Хренников и Гольденвейзер. Двусмысленно высказались Грабарь и Кеменов, вслед за Фадеевым намекавшие на наличие у архитектора некой «поддержки». А вот коллеги оказались настроены непримиримо. Представлявший позицию Союза архитекторов А.Г. Мордвинов заявил: «Этот дом вызвал большую дискуссию среди архитекторов. План этого дома подвергся очень резкой критике... По фасаду отмечали следующее, что образ жилого дома не найден, некоторые говорили, что это красивая казарма. Другие товарищи рассматривали этот дом с точки зрения прорисовки деталей: прекрасно сделанные карнизы, отмечали положительные моменты и говорили,

³⁴ Там же, л. 189, 191—192.

³⁵ Там же, д. 36, л. 49—74, 104—110, 164—168.

³⁶ Там же, л. 196—206.

³⁷ Там же, л. 196, 198—199.

что по художественному мастерству нужно было выдвинуть этот дом на премию, другие говорили, что образ жилого дома не найден. Эта работа до сих пор остаётся дискуссионной»³⁸. Столь же категоричен был и главный архитектор Москвы А.В. Власов: «По своему искусству этот дом ничего общего с русским искусством не имеет по фасаду. В основе архитектуры этого дома лежит итальянский палаццо. Характерно, что, опираясь на это итальянское палаццо, он не делает на главном фасаде ни одного балкона. Лишает этот дом такого естественного для жилого дома элемента только ради такой отвлечённой чисто эстетической задачи. Поэтому этот дом для Москвы нехарактерен. Автор неправильно решает образ жилого дома вообще»³⁹.

Против Жолтовского вполне определённо высказался и писатель С.В. Михалков: «Мне чрезвычайно нравится дом Розенфельда и совсем не нравится дом Жолтовского. Я рассматривал его и снаружи, и внутри. Снаружи — это большая казарма, а внутри очень безвкусное решение комнат. Я думаю, что нет ничего общего между удобным решением квартир, в которых живут люди и должны жить удобно, с тем решением, которое имеется у Жолтовского с этими какими-то очень странными петушками и курочками в этих комнатах. Чувствуешь себя в такой квартире, как в музее игрушек в Леонтьевском переулке»⁴⁰. Как видим, возникло даже своеобразное клише — сравнение дома Жолтовского с казармой, фиксирующее недостаточную яркость его внешнего облика.

В ходе дискуссии на четыре возможных премии решили — не без давления Фадеева — вынести пять кандидатов: «Андреев — административное здание, Миминошвили — жилой дом в Тбилиси, Розенфельд и Сурис — жилой дом на Садово-Триумфальной ул., Рыбицкий — жилой дом на ул. Чкалова, Жолтовский — жилой дом на Б. Калужской»⁴¹. Из протокола заключительного заседания от 16 февраля следует, что Рыбицкий и Жолтовский набрали по одинаковому количеству голосов — 17 — и заняли 4-е и 5-е места соответственно⁴².

Помимо закрытых заседаний Комитета, обсуждение работы Жолтовского проходило в специализированной прессе, где оценка дома на Большой Калужской дрейфовала от резко отрицательной к умеренно одобрительной и, наконец, восторженной. В феврале 1949 г. он — в числе других новых жилых домов — обсуждался в Центральном доме архитектора. Журнал «Архитектура и строительство» провозгласил тогда, что «работа эта находится в непримиримом противоречии с практикой подавляющего большинства советских архитекторов, стоящих на позициях социалистического реализма... Жолтовский создал ложный образ советского жилого дома»⁴³. Газета «Советское искусство» писала: «Удобства жильцов принесены в жертву красивому карнизу... Жолтовский пожертвовал правдивым образом жилого дома»⁴⁴.

Объяснить причины такого поведения коллег можно, обратившись к идейно-политическому контексту поздних 1940-х гг. Он подробно описан в книге

³⁸ Там же, л. 199.

³⁹ Там же, л. 202.

⁴⁰ Там же, л. 203.

⁴¹ Там же, л. 206.

⁴² Там же, д. 38, л. 29, 36, 37.

⁴³ Обсуждение новых домов Москвы в Центральной доме архитектора // Архитектура и строительство. 1949. № 2. С. 18—19.

⁴⁴ Соколов Н. О новых домах Москвы // Советское искусство. 1949. 12 февраля. Цит. по: Хмельницкий Д. Архитектура Сталина... С. 271.

Д.С. Хмельницкого⁴⁵, поэтому ограничусь лишь общим замечанием: Жолтовский угодил в жернова пресловутой «борьбы с космополитизмом», и разгромные публикации являлись частью кампании по его дискредитации⁴⁶. Хмельницкий заострил внимание на предвзятости и ангажированности оценок, лишь внешне замаскированных под профессиональную критику, а на деле выражавших волю самого «вождя». Протоколы заседаний Комитета по Сталинским премиям, подтверждая в целом тезис о сугубо «декоративной» роли этого органа в принятии решений о награждении, позволяют увидеть отдельные фазы процесса перемены «минуса» на «плюс». Характерно, что даже после вручения премии, когда оценка дома на Большой Калужской изменилась на противоположную, Я.А. Корнфельд сформулировал свой очерк о Жолтовском так, чтобы, похвалив конкретную удачу мастера, подчеркнуть неоднозначность его творчества в целом⁴⁷.

Но было ли увенчавшееся присуждением премии выдвижение единственным в биографии Жолтовского? Ответ на этот вопрос я обнаружила в материалах фонда Комитета по Сталинским премиям в РГАЛИ. Выяснилось, что архитектор становился номинантом неоднократно — в 1940, 1943—1945⁴⁸, 1947 и 1953 гг. К сожалению, из материалов дела неясно, кто выдвигал Жолтовского на премию за 1940 г. Имеется лишь рекомендательное письмо от 15 января 1941 г. за подписью директора Московского архитектурного института М.А. Остапенко в поддержку ранее уже выдвинутого кандидата⁴⁹. К документу приложены копия знаменитой записки Луначарского Ленину с рекомендацией Жолтовского (1918), автобиография архитектора и личный листок по учёту кадров⁵⁰.

По-видимому, выдвижение в 1940 г. производилось по совокупности ранее выполненных работ. Во всяком случае, аналогичную формулировку мы встречаем в документах, поданных на конкурс 1943 г. 31 января 1944 г. состоялось заседание президиума Союза советских архитекторов под председательством К.С. Алабяна, на котором обсуждались кандидатуры на присуждение премий по разделу «архитектура». Среди присутствующих были академики А.В. Щусев, Б.М. Иофан, Л.В. Руднев, С.Е. Чернышёв и члены-корреспонденты Д.Е. Аркин и В.А. Шквариков. В итоге было решено выдвинуть кандидатуры Жолтовского и В.А. Веснина «за выдающиеся заслуги и многолетнюю и плодотворную деятельность в области архитектуры»⁵¹. Соответствующие материалы направлены в Комитет по премиям 31 января и 2 февраля 1944 г.⁵² 28 февраля 1945 г.

⁴⁵ *Хмельницкий Д.* Архитектура Сталина... С. 263—274.

⁴⁶ Разоблачить носителей буржуазного космополитизма и эстетства в архитектурной науке и критике // *Архитектура и строительство.* 1949. № 2. С. 7—10.

⁴⁷ *Корнфельд Я.А.* Лауреаты Сталинских премий в архитектуре 1941—1950. М., 1953. См. также: *Архитектура и строительство.* 1950. № 3. Обложка; Праздник советской архитектурно-строительной культуры // Там же. С. 1—5; *Былинкин Н.* Сталинские премии за архитектуру жилых домов // Там же. № 4. С. 7—15; *Ощепков Г.* Полноценное решение архитектуры жилого дома // Там же. № 8. С. 9—14; *Шасс Ю.* Интерьер и планировка квартир // Там же. № 9. С. 7—10; *Володин П.А.* Новые жилые дома. М., 1952. С. 12—44.

⁴⁸ Во время войны, с 1943 по 1945 г., вручение премий было приостановлено, лауреатов за эти годы называли лишь в 1946 г.

⁴⁹ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 7, д. 2, л. 94—96.

⁵⁰ Там же, л. 97—100.

⁵¹ Там же, д. 14, л. 119.

⁵² Там же, л. 121—122.

правление Союза советских архитекторов подтвердило свой недавний выбор⁵³, а в документах от 25 марта 1946 г. наряду с названными возникла и кандидатура Щусева⁵⁴. Но ни в 1940, ни в 1945, ни в 1946 гг. кандидатура Жолтовского на заседаниях Комитета по премиям не обсуждалась.

В 1947 г., в связи с 80-летием зодчего, его вновь выдвинули на получение премии — с «юбилейной» формулировкой «за многолетнюю выдающуюся деятельность». Инициаторами, как и прежде, выступили Союз архитекторов в лице Алабяна и Учёный совет Московского архитектурного института в лице И.В. Рыльского и В.Д. Кокорина⁵⁵. На сей раз отказ от рассмотрения Жолтовского оказался мотивирован и формализован: «Кандидатура не рассматривалась в виду отсутствия премии за многолетнюю деятельность»⁵⁶. Этот неудачный опыт, очевидно, учли, и на премию за 1949 г. архитектор выдвигался с конкретным объектом — жилым домом Хозяйственного управления Совета министров СССР на Большой Калужской ул., д. 11.

Достоин внимания то, что успех выдвижения вдохновил Жолтовского и его доброжелателей на новую попытку. Следующее выдвижение произошло в январе 1954 г. с жилым домом Хозяйственного управления МВД СССР на Смоленской пл. (тогда — ул. Чайковского), охарактеризованным «как архитектурное произведение, отличающееся высоким уровнем мастерства, проявленным как в композиции здания в целом, так особенно в архитектуре башенной части, в разработке архитектурно-художественных деталей, а также во внутренней планировке жилых и служебных помещений»⁵⁷. Инициаторами выступили Союз архитекторов и его Московское отделение.

В отличие от дома на Большой Калужской здание на Смоленской пл. имело более запутанную историю строительства. Известно, что 31 октября 1944 г., согласно предложению начальника Главного управления военно-промышленного строительства при СНК СССР А.Н. Прокофьева, начальник Центрального управления военного проектирования (Военпромпроект) Мовшович направил Жолтовскому предложение взять на себя переработку составленного ранее проекта д. 13 по Смоленской пл. для размещения аппарата Главвоенпромстроя⁵⁸. Таким образом, изначально здание предполагалось использовать не как жилой дом, а для административных нужд. Приём здания в эксплуатацию государственной комиссией проходил посекционно, последние строительные и отделочные работы были закончены летом 1953 г.⁵⁹ Когда именно сменились ведомственная принадлежность и функциональное назначение этого дома, выяснить из просмотренных документов не удалось.

Однако дискуссия, вспыхнувшая в секции ИЗО и архитектуры Комитета по премиям, оказалась вызвана, конечно, не этими метаморфозами. Заседания проходили почти в прежнем составе — за исключением отсутствовавшего Фадеева и появившегося секретаря правления Союза архитекторов Г.А. Захарова. «Дом на Калужской и дом на Смоленской, они были начаты постройкой одновременно, у них планы одни и те же, секции одни и те же, и в архитектуре

⁵³ Там же, л. 121.

⁵⁴ Там же, л. 120.

⁵⁵ Там же, д. 23, л. 138—142.

⁵⁶ Там же, оп. 1, д. 29, л. 60.

⁵⁷ Там же, оп. 8, д. 12, л. 144.

⁵⁸ Там же, оп. 1, д. 165, л. 32.

⁵⁹ Там же, оп. 8, д. 12, л. 146.

они одинаковы за исключением ряда деталей, — объяснял членам секции Власов, выступая на заседании 23 марта 1954 г. — На одном Иван Владиславович из-за большой длины здания пошёл на другой карниз, а так это одни и те же дома. Неудобно, если мы поставим на голосование, а его забаллотируют». Прислушавшись к этим соображениям, собравшиеся принялись обсуждать возможность присуждения Жолтовскому премии в порядке исключения — не за конкретный проект, а по совокупности работ. Против этого высказался Мордвинов, напомнивший о былых попытках удостоить Жолтовского Сталинской премии с такой формулировкой⁶⁰.

29 марта 1954 г. в связи с отсутствием фамилии зодчего в списках кандидатов, выдвинутых на соискание премии, Московское отделение Союза архитекторов в лице заместителя председателя его правления Н.И. Курочкина вновь обратилось в Комитет по премиям с просьбой о включении Жолтовского в список кандидатов — как автора жилого дома на Смоленской площади, так и «по совокупности творческой, научной и педагогической деятельности»⁶¹. Очередное заседание секции ИЗО и архитектуры состоялось 2 апреля, и решение выдвинуть его всё-таки было принято. Подоплёку этого раскрыл Кеменов: «Мы тут можем просить Правительство, учитывая его преклонный возраст, в виде исключения, дать ему за проекты, не дожидаясь окончания постройки. Поскольку такой прецедент был — по высотным домам авторы получили за проекты. Вот это единственный правильный путь. Мне кажется, что этот дворец [ВЦСПС] очень интересен, или ипподром, он производит великолепное впечатление. Или дать один или два крупнопанельных дома, которые легко защитить»⁶².

Последние документы фонда носят резюмирующий характер: «Поскольку архитектурное решение жилого дома на Смоленской площади является лишь вариантом решения жилого дома на Б. Калужской улице, за который Жолтовскому была уже присуждена премия Второй степени, Комитет не счёл возможным представить его к присуждению Премии. Отмечая большие заслуги Жолтовского перед советской архитектурой, Комитет решил присудить ему Премию в порядке исключения за архитектурные проекты: здание ВЦСПС на Крымской набережной в Москве, строящиеся сооружения Московского ипподрома, проекты крупнопанельных жилых домов и проект санатория “Горный” в Ялте»⁶³. Секция по ИЗО и архитектуре рекомендовала включить эти работы в бюллетень, имея в виду премию 2-й степени. При голосовании кандидатура Жолтовского получала 51 голос из 54, из них за премию 1-й степени — 38 голосов, 2-й степени — 11 и 3-й — 2 голоса⁶⁴. Таким образом, архитектора представили к присуждению Сталинской премии 1-й степени с новой формулировкой⁶⁵.

Номинально вторую Сталинскую премию 1-й степени Жолтовскому присудили в 1954 г. Текст постановления был готов⁶⁶, однако в связи со смертью

⁶⁰ Там же, оп. 2, д. 31, л. 229; оп. 8, д. 12, л. 141.

⁶¹ Там же, оп. 8, д. 12, л. 145.

⁶² Там же, оп. 2, д. 31, л. 285—286; оп. 8, д. 12, л. 137—138.

⁶³ Там же, оп. 2, д. 35, л. 112; д. 39, л. 101; оп. 8, д. 12, л. 134.

⁶⁴ Там же, оп. 2, д. 34, л. 111; д. 35, л. 112; д. 39, л. 101; оп. 8, д. 12, л. 134.

⁶⁵ Там же, оп. 2, д. 34, л. 34, 65.

⁶⁶ Там же, л. 53—80. Опубликованный текст проекта постановления Совета министров СССР от ... 1954 г. № ... «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1952 и 1953 годы» см.: Сталинские премии: две стороны одной медали... С. 633—650. Раздел «Архитектура» — с. 641.

Сталина оно осталось неподписанным — как и постановление о присуждении премий за 1952—1953 гг. (премии за эти годы объединили).

Изучив архивные документы, можно прийти к следующим выводам. Жолтовский неоднократно выдвигался на премию, что выглядит вполне естественным, учитывая его особое положение в архитектурной иерархии — ко времени первой номинации (1940) он имел амплуа главного теоретика и практика архитектуры. Экзотичность ситуации заключалась не только в преклонном возрасте номинанта (в 1950 г. ему исполнилось 83 года), но и в том, что выдвигался он по сумме заслуг, накопившихся с начала 1930-х гг. Лишь в 1949 г. выдвижение кандидатуры зодчего прошло с соблюдением требований — т.е. за конкретное творческое достижение⁶⁷.

По мнению Хмельницкого, премирование Жолтовского сразу после кратковременной травли было сознательной издёвкой Сталина над своими клеветами, готовыми поносить и возвеличивать кого угодно по указке сверху. Документы по премии 1949 г. не опровергают подобную трактовку. Эти полные недомолвок и намёков «дебаты» скорее добавляют оттенки в красочное полотно. Политическая природа вердикта видна из реплик Фадеева и других членов Комитета. Неоднократные попытки почтить «патриарха» зодчества присуждением Сталинской премии по совокупности заслуг указывают на более чем скромные шансы Жолтовского удостоиться награды при отсутствии поддержки в высших эшелонах власти. Появление такой поддержки, по-видимому, отразилось и в корректно сформулированной заявке на премию 1949 г., и в избавлении от гонений. Однако выявить конкретных лиц, как и механизмы поддержки ими кандидатуры зодчего, на основе изученных архивных материалов не представляется возможным. Нельзя исключать, что кулуарные договорённости могли и вовсе не получить отражения в каких-либо документах или материалах. Несомненно лишь то, что неожиданная «милость» к Жолтовскому вписывалась в сценарий очередного акта внутривластной борьбы.

Ещё один знаменательный факт, последовавший, правда, уже после премирования: распоряжением Совмина СССР за подписью Сталина от 5 сентября 1951 г. архитектурная мастерская-школа Жолтовского была включена в состав Архитектурно-планировочного управления Москвы в качестве отдельной, состоящей на государственном бюджете учебно-проектной организации 1-й группы. На неё оказались возложены «проектирование зданий и сооружений в Москве, а также творческое и производственное воспитание, в процессе проектирования и строительства, высококвалифицированных зодчих — мастеров архитектуры»⁶⁸. Как следствие, при выдвижении Жолтовского на премию 1953 г. члены Комитета (включая даже коллег-архитекторов) оказались гораздо более лояльны к его кандидатуре.

⁶⁷ Здесь стоит отметить, что коллега и почти сверстник Жолтовского А.В. Шусев (1873—1949) был удостоен Сталинской премии четыре раза (в 1941, 1946, 1948 и 1952 гг.). См.: Произведения академика А.В. Шусева, удостоенные Сталинской премии. М., 1954.

⁶⁸ Российский национальный музей музыки, ф. 318, ед. хр. 1041, л. 13.